

Целесообразность обособления ЭКД не только как понятия, но и как стоящей за ним самостоятельной области деятельности обусловлена причинами и потребностями практики, поскольку общеизвестно, что необходимым условием функционирования и дальнейшего развития каждого из институтов в области уголовного судопроизводства является формирование его основ, носящих комплексный характер и включающих в себя теоретические, правовые и организационные направления.

По нашему мнению, теоретические основы ЭКД должны составлять прежде всего положения криминалистики, так как ЭКД формируется в недрах криминалистики и адаптирует ее данные в контексте актуальных проблем своего развития.

Несмотря на широкое использование термина ЭКД в специальной литературе и анализ данного вида деятельности в работах таких ученых, как Т.В. Аверьянова, Б.М. Бишманов, А.Ф. Волынский, И.Ф. Крылов, А.М. Кустов, И.М. Лузгин, С.Н. Новиков, Н.И. Порубов, Н.П. Яблоков и др., устоявшегося определения так и не сложилось, между тем, по нашему мнению, его можно сформулировать следующим образом.

ЭКД – это одна из организационно-правовых форм использования специальных знаний, ключевой задачей которой является обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов и иных вещественных доказательств с применением технико-криминалистических методов и средств с целью раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в современном уголовном процессе необходимо провести всесторонний объективный научный анализ поступательного развития понятия ЭКД. Полагаем, что это приведет к повышению эффективности деятельности органов уголовного преследования в вопросах привлечения специалиста и непосредственного использования специальных знаний при производстве следственных действий.

УДК 343.1(476)

В.П. Зайцев

СУБЪЕКТЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО И ИХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Субъект (лат. subjectus – лежащий внизу, находящийся в основе) – носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в котором современное название меры принуждения «наложение ареста на имущество» впервые сформулировано законодателем, полномочиями на его применение обладали судебный следователь (ст. 268) и суд (ст. 851, 1207). Налагать арест на имущество по УПК БССР 1923 г. был вправе только следователь (ст. 121, 121а), при этом в законе появляется предложение суда или прокурора о применении предполагаемой меры принуждения (ст. 121а). По смыслу ст. 174 «Наложение ареста на имущество» УПК БССР 1960 г. единственным субъектом наложения ареста на имущество являлся следователь. Однако категоричность законодателя в этом отношении снималась положениями ст. 235 «Меры обеспечения гражданского иска и конфискации имущества» того же уголовно-процессуального закона, которая косвенно указывала на то, что помимо следователя факультативными полномочиями по наложению ареста на имущество обладали лицо, производящее дознание, суд или судья. При этом из ст. 122 «Органы предварительного следствия» исходило, что следователями могли выступать в том числе должностные лица прокуратуры, а также органов государственной безопасности.

Действующий УПК определяет следующих субъектов применения меры процессуального принуждения «наложение ареста на имущество»: орган дознания, следователь, прокурор и суд. Вместе с тем соответствующие им понятия выступают собирательными и предполагают расширительное толкование. В соответствии с ч. 1, 2, 5, 6, 12 ст. 132, ч. 2 ст. 156 УПК полномочия по наложению ареста на имущество следует разделять на принятие процессуального решения о наложении ареста на имущество и непосредственное исполнение такого решения.

Принять процессуальное решение о наложении ареста на имущество вправе руководитель органа дознания, его заместитель (ч. 1, 5, 9 ст. 38 УПК); в Вооруженных Силах и транспортных войсках – военный комендант военной комендатуры в зоне ответственности военной комендатуры, командир воинской части, соединения, начальник военного учебного заведения, организации Вооруженных Сил и гарнизона, а в других войсках и воинских формированиях – командир воинской части, соединения, начальник органа пограничной службы, начальник военного учреждения (п. 3 ч. 1 ст. 37 УПК); начальник учреждения, исполняющего уголовное наказание в виде лишения свободы, начальник следственного изолятора (п. 4 ч. 1 ст. 37 УПК); капитан морского или речного судна, командир воздушного судна, находящихся вне пределов Республики Беларусь (п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК); глава дипломатического представительства, консульского учреждения Республики Беларусь (п. 10 ч. 1 ст. 37 УПК); начальник следственного подразделения (п. 8 ч. 2 ст. 35 УПК); следователь (ч. 3 ст. 36 УПК); прокурор (ч. 4 ст. 34 УПК); заместитель прокурора, суд (ч. 2 ст. 156 УПК); судья (ст. 284 УПК); Председатель Следственного комитета (ч. 5 ст. 35, ч. 5, 6 ст. 132 УПК); Председатель Комитета государственной безопасности (ч. 5, 6 ст. 132 УПК).

Непосредственное исполнение процессуального решения о наложении ареста на имущество может быть реализовано руководителем органа дознания, его заместителем (ч. 1, 4, 9 ст. 38 УПК); должностными лицами, перечисленными в ч. 1 ст. 37 УПК; уполномоченным должностным лицом органа дознания (ч. 2 ст. 39 УПК); начальником следственного подразделения (п. 8 ч. 2 ст. 35 УПК); следователем (ч. 5 ст. 36 УПК); прокурором (п. 3 ч. 5 ст. 34 УПК); заместителем прокурора, судебным исполнителем или иным работником органа принудительного исполнения, кроме лиц, осуществляющих обеспечение деятельности и техническое обслуживание этого органа. По причине отсутствия в законе прямых запретов на исполнение процессуальных решений о наложении ареста на имущество непосредственно судьей, Председателем Следственного комитета, Председателем Комитета государственной безопасности полагаем, что такие их действия следует считать допустимыми и возможными.

Арест на имущество может быть наложен органом уголовного преследования, принявшим решение о применении этой меры процессуального принуждения, либо исполнение постановления о наложении ареста на имущество может быть поручено другому органу уголовного преследования. Если решение о наложении ареста на имущество принимает суд, то его реализация осуществляется органом принудительного исполнения уже за рамками уголовного процесса.

В предусмотренных УПК случаях для наложения ареста на имущество требуется санкция прокурора или его заместителя (ч. 2, 5, 6 ст. 132 УПК).

Уголовный процесс многих стран включает в себя форму судебного контроля за принятием процессуального решения о наложении ареста на имущество. Приведем несколько примеров. В соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК Российской Федерации следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Суд рассматривает ходатайство и при решении вопроса о наложении ареста на имущество должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение, а также установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. Согласно ст. 170–173 УПК Украины арест на имущество может быть наложен судом или следственным судьей, к которым с соответствующим ходатайством могут обратиться следователь по согласованию с прокурором, прокурор, а с целью обеспечения гражданского иска – также гражданский истец. Исключительное право на принятие процессуального решения о наложении ареста на имущество принадлежит суду и в Грузии (ч. 1, 3 ст. 151 УПК Грузии). В то же время уголовно-процессуальные законы этих стран предусматривают процедуру наложения ареста на имущество по постановлению следователя (дознавателя), прокурора, решению директора Национального антикоррупционного бюро Украины (или его заместителя), согласованному с прокурором, без получения судебного решения, но только в исключительных случаях, которые не терпят отлагательства. При этом законность процедуры проверяется судом уже после фактического наложения ареста (ч. 5 ст. 165 УПК Российской Федерации; ч. 9 ст. 170 УПК Украины; ч. 1, 2 ст. 155 УПК Грузии).

По нашему мнению, такой подход является контрпродуктивным. Во-первых, в нем наблюдается подмена функции прокурорского надзора, что противоречит ст. 125, 127 Конституции Республики Беларусь. Во-вторых, он усложняет, бюрократизирует уголовно-процессуальную форму, возлагает дополнительную нагрузку на судебную систему в целом, а в частности на судей. И, в-третьих, влияет на неотложность наложения ареста на имущество, снижая ее оперативность. Более того, указанный подход может создавать причины и условия возникновения коррупционных проявлений среди работников судов (разглашение информации о запланированном проведении ареста имущества, принятие «выгодного» решения об отклонении соответствующего ходатайства и др.). Генеральным аргументом служит мнение респондентов. Против процедуры наложения ареста на имущество по судебному решению высказались 76,2 % опрошенных судей, 92,9 % прокуроров, 73,2 % следователей и 78,9 % сотрудников органов дознания.

УДК 343.1

А.М. Ибрагимова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОБЖАЛОВАНИИ РОССИИ

В российской правоприменительной практике долгое время обсуждалась возможность использования электронных документов, направления электронных жалоб, ходатайств, представлений компетентным органам и должностным лицам в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии. Несмотря на активное внедрение информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, четко налаженного алгоритма направления, получения, регистрации и ответа на такие жалобы, ходатайства, представления не имелось.

Такое положение дел существенно отражалось на возможности эффективного и упрощенного взаимодействия участников уголовного судопроизводства с компетентными органами и должностными лицами. В частности, при направлении электронной жалобы, ходатайства, представления компетентному органу или должностному лицу отсутствовала возможность проверить получение последним такой жалобы, ходатайства, представления и обжаловать бездействие компетентного органа или должностного лица в случае неполучения ответа либо решение при несогласии с разрешением жалобы, ходатайства, представления. Уголовно-процессуальное законодательство не содержало права подачи электронной жалобы, ходатайства, представления и корреспондирующую такой возможности обязанность рассматривать поступившие в электронной форме жалобу, ходатайство, представления.

Кроме того, несмотря на активное использование информационных технологий, систем, их разнообразие не позволяло унифицировать работу с электронными жалобами, ходатайствами, представлениями в уголовном судопроизводстве и негативно сказывалось на построении слаженной работы в условиях необходимости рассмотрения и разрешения некоторых из них, в частности жалоб, в сжатые сроки.

Потребности, существовавшие в правоприменительной практике, дали жизнь новой законодательной инициативе со стороны сенаторов РФ А.Д. Артамонова, С.Н. Рябухина, В.В. Полетаева и депутатов Государственной Думы РФ М.А. Топилина, Д.В. Бессарабова.

Согласно рекомендуемым изменениям предлагалось дополнить УПК РФ ст. 474.2 «Порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства». Ранее в УПК РФ содержалась такого рода ст. 474.1 УПК РФ, касающаяся использования электронных документов в ходе судебного производства.